

Александр Якушев

**ЗА ВОЛШЕБНЫМ КОЛОБКОМ
СТО ЛЕТ СПУСТЯ**

ЗА ВОЛШЕБНЫМ КОЛОБКОМ.

СТО ЛЕТ СПУСТЯ.

*Я посвящаю свой скромный
литературный труд родовым поморам
из сказочной страны непуганых птиц,
их прошлому, настоящему и будущему.*

ЧАСТЬ I. ЗА МЕЗЕНЬ.

Путешествие, о котором я расскажу, было задумано не для того, чтобы провести неделю отпуска как лесной бродяга, с рыболовными снастями, чайником и котелком, но и для того, чтобы найти утраченные мной в цивилизационном развитии духовные ценности.

Современная проза о походах в заповедные, почти не тронутые человеком уголки нашей страны стала большой редкостью. Разве что в охотничьих и рыболовных журналах проскользнет раз другая частичка современного литературного творчества в виде исключения. Но как все эти журнальные статьи отличаются от рассказов столетней и более давности! В них нет, и не может быть таких сочетаний слов как Кладовая солнца, Корабельная чаша, Глаза земли, Журавлиная родина. Потому, что они несут на себе иссушающую сердце печать практической

направленности. Как не хватает нам в современных рассказах силы русского языка и наблюдательности авторов прошлого! Поэтому, например, мы не видим ни Весны света, ни Весны воды, ни Весны травы, ни Весны леса, ни Весны человека. Почему мы это не видим? Это практическая направленность сдавливает нас своими цепями.

Я позаимствовал название своего рассказа у лучшего учителя, волшебника, творившего со словами настоящие чудеса, создавшего художественные и нравственные образы космической, вселенской силы. Боюсь, что не все читатели догадались, что я говорю о Михаиле Михайловиче Пришвине. И сделал это намеренно, стараясь, показывая жизнь сегодняшнюю, обратить внимание на наше прошлое. В том числе и литературное прошлое.

Но не о внешней, видимой стороне моего путешествия мне хотелось бы рассказать.

Для меня гораздо важнее не забыть ту страну без имени, куда мы в детстве убегали.

Вот я и решил убежать ещё раз к своей реке по тропинке через ячменное поле, потому, что тянет туда меня мой Волшебный колобок.

Колобок покатился, а я за ним...

Вот уже несколько дней я всматривался в карту Мезенского края. Я как бы стоял на росстанях, выбирая маршрут. Вот изгибы рек, вот те самые тропы, по которым староверы шли всё дальше и дальше от преследований “щепоты”. И чем дальше я рассматривал карту, тем громче я слышал воображаемый голос Корабельной чащи. Он звал в темноту, в неизвестность, и всеми помыслами своими

я устремлялся вглубь леса, в самые его канабры¹. Я шёл в никуда, но уже слишком поздно возвращаться. Теперь только вперед!

Проделанная увлекательная исследовательская работа с картами лишь укрепила желание непременно посетить один из рыбацких поморских посёлков, о чём я сообщил своему давнему знакомому, прожённому путешественнику, недавно побывавшему в закрытых индейских территориях Латинской Америки, и поймавшему реликтовую гигантскую арапайму. Вдохновлённый новыми названиями рек, найденными на карте, я рассказывал ему о моей захватывающей дух программе приключений, которая вдобавок предполагала сверхвысокие риски при организации заброски и возвращения. Не было известно ничего, кроме названия удалённого и пока безликого посёлка, была только моя неблагоразумная готовность ночёвки в буераке под кустом, питаюсь на ходу щавелевым листом. На том конце телефонного провода я спинным мозгом почуял, как его палец крутится не у виска, а на лбу, что, видимо, означало о потере рассудка в обоих полушариях моего мозга. Но остановиться уже было невозможно – Колобок уже покатился...

Всемирная паутина, не вредничая, сообщила телефон сельской администрации. Моя московская говорья застала представителя сельской администрации посёлка врасплох. Несколько минут общения с далёким и незнакомым голосом в телефонной трубке так и не добавил уверенности в том, что меня там смогут принять, но в душе затеплилась радость от самого факта этого разговора.

¹ *канабра* – гуща, чаша, непроходимая заросль (мезенск.)

Вот уж не ожидал, что поморьска говóря, проникая внутрь по неведомым генетическим нитям так согревает.

Впечатления от перелёта на Ан-2 оставляю за кадром. Кто летал, тот поймёт. И хотя хлеб-соль никто к трапу не преподнёс, встреча напоминала встречу первого американского туриста в порту города Одессы из известной, и любимой мной российско-польской комедии. Похоже, до меня сюда туристы с целью рыболовного речного похода вообще не приземлялись. Охотники на гуся по весне прилетают, но так, чтобы летом, вверх по реке – такого не видывали.

От аэродрома до дома моего проводника – Сергеича можно было пешком дойти, но, судя по всему, это непоправимо нарушило бы торжественный момент, и мы погрузились в его джип, а через минуту я входил в избу. Хозяйка встречала гостя специальным угощением – сохранившей в себе,

сколько могла вместить, солнца ягодой-морошкой. Передав Сергеичу свой пополнок, и уточнив, что в селе битых печей нет, и никогда не ставили, начал туеса готовить к походу, а потом по программе была баня. Я попросил показать село, объезжая заметил, что на одном огороде стоит старый фамильный крест. Так уж получилось, что когда расширяли село, выселяя людей с отдаленных деревень, выделяли новые участки, вот этот голубец и достался новосёлу как бонус. Уснул я крепким сном, а поутру не спеша начали грузиться в катер, увязший на берегу в няше.

– Я думал на шитухе пойдём.

– Нет, у нас в почёте катера, причём лучше катера клёпаные, старые, а не новые, сварные, которых волной морской плюш-шит.

Загрузились как раз вовремя – морской прилив решительно подобрался к селу, обернул течение реки вспять и поднял катер на свои холодные плечи.

Погода была пасмурная, какую мало кто готов назвать любимой, но меня это не беспокоило, скорее вдохновляло. Я чувствовал, как, погоняемый ветром, качусь и качусь Колобком к самым северным лесным окоёмам Мезенского края.

Вот опять же ветра...

Во время всего нашего похода ветра меняли и свои направления, и силу своих неустанных устремлений. К полудню, или перед кратковременной грозой торбком шли. Хотя бывало, что и днём утихали, или как иногда тут говорят – лосели. А к вечеру и вовсе затихали, уступая под натиском комариных стай, алчущих нашей крови. Шелоник, пожалуй, самый известный поморский ветер паужником тут не называют, но разнообразие

названий ветров впечатлило, особенно – грязный, чёрный ветер.

Через час мотор показал признаки усталости где-то в редукторе, и нам пришлось его снять и оставить на берегу реки в гордом одиночестве.

– Может хоть брезентом его накроем?

– Прикрой, всё равно его никто не возьмёт. Думал, что дотянем до первой ночёвки, там всё равно его менять пришлось бы на малый мотор – выше река мелеет.

Смена мотора заметно уменьшила ход, скорость не превышала четырёх узлов. Это изменение позволило вдруг увидеть реку по-другому. Пока за кормой бурлил белый бурун, и выхлоп двигателя ни секунды не давал забыть о сомнительных завоеваниях цивилизации, в мыслях не было ничего, кроме ожидания прибытия на конечную точку пути, и, пожалуй, восхищения красотами речного ландшафта. И вдруг хочешь, не хочешь времени для неспешных наблюдений за жизнью реки стало так много, что начал понимать малость свою, точь-в-точь как это выразил в своих дневниках М.М. Пришвин. Я погружался в состояние ничтожной частицы окружающей меня природы, и, как мальчишка-подросток, познавал природу реки, её силу и ритмы жизни.

Километры речного похода уводили меня не только в таинственный сумрак северных лесов, но и в историю Мезенского края, приютившего некогда в своей спасительной глухомани христиан-староверов. Во мне возрождался их героический дух. Я отсчитывал не только километры, но и года,

столетия! А не это ли и есть главный смысл рыболовных дальних походов?

– О чём задумался, рыболов? – вернул меня к действительности голос капитана.

– Да вот подумалось, прилетают на вертолётах туристы в тундру, что они увозят с собой? Только рыбу, да мясо, ну, некоторые – охотничьи трофеи, а что они видели, что узнали?

– Да, прилетят и улетят. И мы их не помним, и они нас забудут. А ты тут первый настоящий турист. Летом мы так далеко по реке никогда не ходим. Избушки на угорах ставим для осенней или зимней охоты.

Мы немного помолчали.

– А перекатам тут имена дают? – первым нарушил тишину я.

– Нет, самим перекатам тут имена не дают, тут каждое место на реке имеет своё название, а перекат это или нет – не важно. Чаще всего по имени поселенца, чей это сенокос называют: Тимошкино, Екатеринино, Гришино. А есть и так названные, по месту – Моховой бор, Лиственничный бор, Орлово, вот по реке Орловой, Кривая виска, Частые ручьи.

– Какие ручьи?

– Частые. Мы так говорим. Вот там я однажды белуху видел. В реке ревуш-ший зверь размером с лодку в непривычку.

Поселения староверов по берегам рек, как правило, называли по имени старшего в роде: Сава – Савино, Тарас – Тарасово, Калин – Калино. Некоторые поселения, названные от имён основателей, покинуты и забыты, а некоторые и сейчас встречаются Мезени.

Эту заброшенную деревню, основанную предками многочисленного теперь в селе рода здесь вспоминают с давней историей первых поселенцев, трёх братьев, два из которых трагически погибли. Третий брат сплавил брёвна домов, остальные постройки сжёг, и покинул это место, основав новое поселение.

На противоположном берегу реки, на высокой щелье, недалеко от этой покинутой деревни раньше стоял поклонный крест, теперь стоит часовня – маленькая изба для поклонов и молитв. Мы сделали остановку. Поклонились.

Спиннинги расчехлил только когда к вечеру подошли к месту ночлега. Поставил поплавочную снасть, и в проводку начали ловить ельца. Достал свою знаменитую линейку в двадцать два сантиметра, яко мерило праведное.

– А линейка тебе зачем? – спросил Сергеич, забрасывая снасть в тягучую, сумеречную воду речки.

– Это легендарная линейка, всю рыбу, что короче, топлю в воде, такой вот инструмент помилования. Приносит удачу и отпугивает мелочь, – отвечаю. Стоим в лодке, рыбачим.

Через четверть часа сам факт существования до боли всем известного вопроса ”Ну и как, клюёт?“ показался нелепостью. Рыбалка эта напомнила мне

азартную ловлю беззаботной уклейки в детстве: заброс – подсечка.

– Ну, это уже Монтерея какая-то пошла, сматываем удочки, – завершил я рыбалку, предварительно посмотрев в ведро, в которое кидали мерного ельца.

Вот и первый ночлег в лесу. За день прошли более шестидесяти километров. Сергеич подплавил лодку к одичавшему берегу. Собрали все нужные вещи для ночлега, и поднялись по крутому угору к избе.

– Медведь порядок не навел? – спросил сам у себя Сергеич, заходя в избу. – Нет, всё в порядке. Про медведя я тебе такую историю расскажу, – продолжил он, разбирая вещи в избе. – Оставили мы как-то раз на берегу бидон с жиром морского зверя.

На обратном пути найти не смогли. Пошли искать по окрестностям. Ходили, искали. Я возвращаюсь. Смотрю, напарник у реки сидит, пилой что-то отпиливает. Рядом бидон. Что пилит, не пойму? Подхожу ближе: картина маслом, то есть жиром! Медвежья голова в бидоне, вот он и отпиливает её. Медведь голову в бидон засунул и с ним в реке утонул.

– У вас поморов и не таких историй наслушаешься.

– Мы не поморы, мы поречники-устьяне, рекой живём. А ты знаешь, что входя в лесную избу надо обязательно постучать и спросить разрешения у избы. Такой порядок, не забывай.

– Я даже не буду спрашивать, почему такое правило.

Утром, после английского завтрака: овсяной каши с маслом, собрались и пошли дальше по реке.

– Ночью дош-шь прошёл, – начал разговор Сергеич, – скоро выйдем на Долгий плёс, три километра. По-нашему долгий – это длинный.

– Запомню.

Прошли мимо разлапистого гнезда ястреба на могучем стволе старой ели.

– Это канюх, гнездо это много лет тут стоит. Южнее в лесах и ворон, и орёл, и лебедь встречается. А гусей, что ты фотографировал, мы лесовиками называем.

– Первый раз вижу на реке столько птиц: и гуменников с выводком, и уток, и чаек.

– Чайка села на воду – к хорошей погоде, а гагара кричит – к дож-жу.

– Чайка, как видно, не села на воду – ждать нам, похоже, плохую погоду, – срифмовал я.

Но прогноз мой оправдался лишь отчасти – дождь изредка бураком заходил, а гром громыхал где-то вдалеке.

По ходу делали короткие остановки на рыбалку. Я тщетно делал забросы в берег, меняя приманки с вращающейся блесны на воблер и обратно. Сергеич объяснял мне, как найти улова́ на реке, и чем они разнятся. Есть глубокие улова́, с двойным обратным течением, называемые ещё курьями. Я с большим интересом запоминал и записывал в поистрепавшийся уже блокнот новые слова.

Река становилась всё интереснее и интереснее – по берегу встречались щели с повалившимися и собравшимися, кажется, вот-вот рухнуть в объятия пленительных и коварных вод елями. Я пробовал выговорить слово щелья на местном диалекте, с глухим протяжным Ш: ш-щелья, но так и не получилось.

Впереди нас ожидала ещё одна заброшенная деревня, но не простая, а сказочная. Катер мягко ткнулся потёртым носом в песчаный берег, и мы спешили.

– Вот оно, Трофимово чудо, – кивнул на небольшое озерцо, открывшееся за холмом, произнес Сергеич. – Был тут остров–плавун небольшой с тремя елями, который с паводком поднимался, а когда вода уходила к началу лета, то опускался. Никогда его весенние воды не затопляли, а вот умер последний житель в деревне лет сорок назад – остров и исчез. Я сам его видел, этот чудо остров. А вот тут была деревня, – неопределённо поведя рукой в сторону поляны продолжал экскурсовод. Перед нами расстилалась заросшая диким малинником луговина с ямами от погребов, следами когда-то поставленных изб.

– А там, у леса что? Семейный крест?

– Нет, погост.

– Никогда не видел трехметровых могильных крестов! – удивился я, подойдя ближе к опушке леса, где среди берез и осин виднелись покосившиеся непокрытые восьмиконечники-исполины.

– Не хотели бросать родные места и не переселялись к нам в село. Сейчас их внуки и правнуки тут две избы становые поставили. На рыбалку, на охоту заезжают, и навещают своих предков.

– Давай тут ещё немного постоим. Рыбалка подождёт.

Я бродил по становищу. Солнечный, не по северному, день бодрил свежим ветром, разгоняя по широкому небу кучи белых облаков. И его праздничный настрой, льющийся с прохладного неба на прохладную землю, будто настраивал каждую травинку под ногами и каждую веточку над головой на философский лад: все проходит в этом мире, и беда, и радость, но нет ничему ни начала, ни конца...

Следы, оставшиеся от брошенной деревни на земле зарастали, как раны на теле животного или дерева. И на этих ранах зарождалась новая жизнь – в зеленой кипени трав и нежных красках северных цветов.

Лодка послушно разрезала темную гладь реки, и понесла нас к новым берегам мимо песчаных кос, отмеченных следами медведя.

Кивнув в сторону заброшенной избы, примостившейся на крутом взгорке, Сергееич рассказал о бабушке-односельчанке, которая жила тут и в лес ходила охотиться до восьмидесяти лет. Как тут не вспомнить о сказаниях про бабу Ягу! Встретишь в диком лесу сгорбленную бабушку с

седыми космами, которая что-то под нос себе бубнит, и поверишь не только в Наину Киевну, но и явлению Змея Горыныча не сильно удивишься.

– А это самые дальние пожни с лахтами, уже заросшими, – продолжил капитан нашей лодки, показывая на кустарник среди деревьев.

– С чем-чем? Про пожни я понял, а с чем они?

– Лахтами называют поляны в лесу вдоль берега, где косят траву, и чем выше по реке в сторону Мезенских лесов, тем травы сочнее, а лахты встречаются всё реже и реже. Эти лахты уж и забыли, что такое кошанина. Мы, пацанами, по ней ходили в носках с пришитой стелькой – так сяжней.

– Медведь? – воскликнул я, заметив убегающего в лес по высокой траве зверя.

– Нет, лось, у наших шкуры тёмные, вот ты и попутал.

Поздним вечером дошли до избы в Моховом бору. Дальше на моторе не подняться, и здесь завершилось преследование “Волшебного колобка”. С утра мы собирались порыбачить в окрестностях, а потом сплавиться до самого села – с рыбалкой и ночёвками. Эта изба получила от меня собственное имя – Берлога, потому, что после двух дней хода на моторе в верховья реки спали в ней как медведи – не разбудить.

– Заварю ка я тебе чай из родителей, – начал разговор Сергеич.

– Я, конечно, все твои загадки люблю разгадывать, но давай уж сразу и отгадку: из каких таких родителей тут чай заваривают?

– Родителями тут называют цветоложе морошки, из них и делаем заварку.

Изба позволяла устроить в ней банный день, и я отправился к реке за водой, вспугнув по дороге лесную птицу – то ли пеструху, то ли марьюху, если верить Сергеичу, пытавшемуся потом по моему словесному описанию дать точное название биологическому виду.

– На току мы боровую дичь не стреляем. Умения много не надо по весне боровую дичь стрелять, а птица худосочная. Осенью охотимся, обычно с подхода. Такая охота требует многого от охотника, знания повадок зверя и птицы. Зимой по лесу зверя выслеживаем, как в старину, на камусовых кундах, которые у нас камусницами называют, современные лыжи тут малопригодны.

– Лес ваш очень красивый, думаю, что и охотится приятно. Сосны я видел двух-, трёх- и четырех-хлыстовые, видел и ель-трезубец, где три хлыста выходили из ствола на верхушке дерева. Меня на фотоохоту часто приглашают, но времени нет. А с тобой было бы интересно по осени в лес сходить, проникнуться вашими обычаями, да и слов новых узнаю. Вообще слова поморские – это не просто звуки, это целая философия народная. Вот ты что-то скажешь на своей говóре, а я потом дивлюсь и, не поверишь, радуюсь: слова эти глубоко внутрь доходят.

– Слова как слова... Своя говóря, конеш-шно.

– А ещё есть интересные истории?

– А как же! После московской олимпиады в селе родился негр, прям как в комедии “Не валяй дурака”. После этого фильма его так и прозвали – Максимкой. Пастухом был. Сосед мой прям так и говорил: “Никогда б не подумал, что в нашей тундре северных оленей негр пас”. Сейчас уехал в город, парикмахером работает.

– Сливки у вас наивкуснейшие, ввек не забуду, и сметана не нужна, – работая ложкой, слушал я своего проводника.

Утром вышли на рыбалку. Забрались вглубь впадавшей в реку виски, поразившей меня сказочной красотой, и там я взял первого хариуса (так на Мезени хариуса называют). Но после этой удачи река радовала только уютным, будто нарочно созданным ландшафтным дизайнером, оформлением. А с уловом больше не повезло, хотя вставали на очень перспективные точки.

Ближе к полудню бросили якорь в курье, где рыба должна стоять при любой погоде. Так и оказалось. Удалось вдоволь погонять мелких щурят, пока мой проводник оттачивал мастерство в ловле ельца. Окрас речной щуки удивлял разнообразием оттенков. Видимо, в каждом болоте, откуда рыба идёт в реку, своя мода на расцветку. По звериной тропе добрались до лесного озера, завладевшего участком старицы.

– Как-то раз нашёл я зимой родник рядом со звериной тропой, теперь слежу, чтобы никто там не охотился. Если зверя на тропе убить, то зверь тропу забросит, а если тропа ведёт на солонцы или незамерзающий зимой минеральный источник, то это трагедия в лесу. Звери стадами часто ходят.

На берегу озера лежала полусгнившая лодка. Когда-то здесь сети ставили. Значит и рыба должна быть. Но мы ничего не поймали, даже на поплавочную снасть с червяком.

Мы продолжили сплав, останавливаясь на реке, преимущественно на уловах.

– Смотри, минога плывет! – воскликнул я, заметив в воде змеиное тело рыбы.

– Здесь это не чудо! В соседней реке её много, там и ловят, и приготовить смогут. Деликатес! У нас-то в основном камбала, на червя её ловим. Только вот после того, как коровник рухнул, навозного червя найти проблема. Не забыл, мы с тобой полчаса собирали по всему селу и почти всё, что нашли, в первый же день ельцам скормили.

– А до второго лесного озера, о котором ты говорил, далеко?

– Недалеко, пошли сходим.

Пеший поход на это, лесное, а правильнее сказать, болотное озеро стал изюминкой всего путешествия. Мы вышли к нему со стороны клочихи, поляны, которая представляла собой кáлтус, или, как тут его называют, сахту́. Если б не Сергеич, я бы побоялся приближаться к воде. Идти по сахте́ все равно, что по надувному батуту. Очень похоже на аттракцион, только тут роковая неосторожность означала внеплановый заплыв в ледяной воде. Слева молодая роща, впереди еловый лес, правее крутой берег, как щелья на реке, а вокруг чистейшая родниковая вода. Осторожно опустившись на колени, я жадно пил эту воду.

Водились в озере невыдающихся размеров окуни и щуки. Однако сама рыбалка доставила удовольствие. Окрас всех выловленных щук был разным – от очень светлого, до почти чёрного. Озеро связывала с рекой подземная виска, и сюда, рожденные в болотных ручьях окунята и щурята заходили из реки.

Любой праздник имеет привычку заканчиваться...

Недалеко начал греметь гром, и мы прибавили шаг. Шли в моховом бору, и я, как обычно, заводил разговор, а Сергеич отвечал на мои пытливые вопросы.

– Приходилось мне однажды до ближайшей деревни, что на соседней реке стоит пешком ходить по осени.

– По лесу тайболой или по звериной тропе?

– Тайболой, на полпути там изба стоит, это сейчас зимой на снегоходе час ходу, а я два дня шёл.

– Интересно. Для любителей пеших походов такое путешествие будет интереснее приключений хоббитов.

На следующее утро собрали вещи, попрощались с Берлогой, потому, что по плану должны ночевать в другой избе, и в лодку.

Сплав – дело неспешное, созерцательное, тем, кто спешит, не понять его неторопливой прелести. Мы никого не преследовали, и за нами никто не гнался, останавливались, когда хотели, на реке, преимущественно на уловах.

– А что такое трофейная рыбалка? – рассуждал я, закидывая спиннинг, – Моим трофеем в этом походе будет не рыба, а новые впечатления и познания Мезенского края. Рыбу съешь, и забудешь, когда и где её съел, а поездку такую не забыть.

– С южных лесных поселений приходят рыбачить в наши реки, те, что впадают в Чёшскую губу, в лесных то реках сложно рыбачить, сиговые не заходят, да и реки там все заросли так, что не пробраться. Тебе, по глазам вижу, туда хочется, но учти, что такой поход сложнее экспедиции на Северный полюс будет. Однажды один охотник в Мезенских лесах заблудился, и вышел по ошибке к истокам нашей реки и, сплаваясь, был найден полуживым, после сорока дней лесного скитания.

Поход на третье, болотное озеро стал настоящим испытанием. Наше неожиданное появление в лесу ошеломило местное стадо комарья, и только после выхода из леса на клочиху, весь рой лесных и болотных кровожадных тварей очухался и устремился на нас, накрыв наши головы серым покрывалом. Прыгая, с клоча на клоч, в низкорастущем ивняке добрались до озера. Задыхаясь с непривычки, подошёл к берегу. Рыбалка с такого берега – это уже достижение!

Стоя почти по колени в воде, сделал два десятка забросов, оснастив спиннинг сначала воблером, а потом вертушкой третьего размера. И хотя говорят, что отсутствие результата – тоже результат, как-то досадно становится получить его после стольких приключений. Обратное так же по клочам ускакали в

лес, к реке. Передохнув, я решил попробовать береговую рыбалку с угора. Пройдя чуть ниже вадиги мне удалось выловить несколько харюсов. И по берегу погулял, и рыбки наловил.

– Как бы спирали не закончились раньше срока,
– зажигая в избе очередной зеленый завиток, укрепленный на консервной банке, прибитой к стене у входа в избушку посетовал проводник.

– А если дымокурить пакулой, как в старину?

– Чагу тут, на болотах, найти сложно. Все наросты – сплош-ш грибы, трут, а нам чага нужна – со здоровой березы.

Почти каждый день в походе Сергеич поднимал тему лошадей. Видимо, наш неожиданный поход пробудил в нём воспоминания из детства, которые

были связаны с лошадьми, и, похоже, эти воспоминания вызвали у него в душе радость.

Имена лошадям давали погодкам на одинаковую букву, чтоб легче запоминать и отличать их возраст. Мезенки всегда работали парами и если одного коня привязать, то второго не нужно. Он часто вспоминал пару коней-погодков: Шалуна и Шабаша. Мальчишкой он с десяти лет на сенокосах работал.

Я часто представлял, как в старину поречники-устьяне “уходили в лето” на дальние сенокосы, чтобы в зиму вывезти более ценное сено. Передо мной появлялись воображаемые картины как они добирались до своих лахт на лошадях по берегу реки, как ночевали в шалашах на угоре, как косили траву ручными косами - литовками, как ставили стожары и стоговали сено. Наверное, мне стоит отважиться, и уйти в лето, в дальний поход в Лешуконию, край немеряных лесов, как это делали сто и более лет назад.

– Теперь я точно знаю, что дошёл до северных рубежей Мезенского края, хотя мезенцы свои поселения ставили и на Канинской земле, и далее до Тиманского хребта.

– Надо тебе в настоящий морской поход сходить. Есть у меня идея на этот счёт.

– Спасибо. И это попробую обязательно. Но хочется уйти в лето не на лодке, а на лошадях с хлебами-сковородниками и сушеной рыбой. Вот о чём думку думаю.

– Лошадей уже почти никто не держит. Коров в деревне осталось – только детям на молоко. Раньше со всех сенокосов могли держать стадо в сто голов с

телешами, сейчас бы на экспорт наши сливки вместе с морошкой отправляли.

Последняя ночь была как в сказке. Мара, нашедшая с тундры, накрыла и калтус, и лес, в котором пряталась избушка. Всё вокруг замерло перед появлением неведомого чуда.

Мой рассказ о рыбалке в последний день похода будет крайне кратким, и это будет не рассказ, а скорее загадка.

Почти все рассказы счастливых рыбаков, что приходится мне читать в журналах, посвящаются рыболовным снастям, а не рыбалке. По этой причине я перестал покупать один из рыболовных журналов: там всё пропитано практичностью и рентабельностью. Вместо того, чтобы способствовать

возрождению естественных нерестилищ и развивать рыболовную культуру, журналы навязывают юным рыбакам идеологию потребления. Среди молодых удильщиков и спиннингистов мало найдётся тех, кто сможет отличить ельца от густеры, зато названия зарубежных приманок знают наизусть.

Так вот.

Под лучами утреннего солнца, которого нам не хватало все эти дни, мы заякорили лодку у черного крёжа, на уловах. По ходу рыбалки перемещались вниз по каменистой кошке², бросая якорь через каждые двадцать метров до самой вадиги. Яркие цвета неба, леса и воды преобразились под лучами утреннего летнего солнца.

Сначала я делал забросы без поводка, но заметив, что в воде, подпитываемой болотными

² *Кошка* – пережат на реке, по одному берегу которого, мыс, а по другой вадига, омут. Каменистая кошка – это пережат с каменистым дном.

ручьями, хариус провожает блесну без атаки, призадумался. Может плетеный шнур отпугивает? Привязал полуметровый поводок из монолески. Не помогало.

Поклевок не было, несмотря на неприличные наглые всплески вокруг лодки, то тут, то там. Я проанализировал ситуацию, и на основании своих знаний о спектральном зрении у рыб, фильтрации и поляризации светового потока водой нашёл решение, которое не требовало замены снасти. Делаю ещё подсказку: конструкцию блесны так же не изменял. Началось рыбное эльдорадо: на блесну попался даже сиг и елец. За одно утро наловил всю свою походную норму хариуса.

Вот вам и загадка: что я сделал?

– Ну, чемпион, тебе ещё налима здесь поймать, и будет полный комплект!

– А вот ответ мне, пожалуйста: обслуживание туристов выгоднее вылова рыбы, которую потом за полцены тут сдают коммерсантам заезжим? Может, если приглашать туристов, то жизнь тут будет интереснее? От села по реке тридцать километров – и уже нетронутые земли начинаются. Да, к вам попасть сложно, но я же попал!

– Да, места наши почти недоступные, охотники приезжают, а таких как ты, не было. Так-то есть, что показать. А как ты вообще к нам попал? Почему к нам?

– Ой, история эта, полная загадок и проведения. В двух словах, было так. Ткнул пальцем на карту и сказал сам себе: вот он край Мезени. А дальше был телефонный звонок в ваш сельсовет,

потом долгая, отдельная история с бронированием авиаперелета к вам.

– Смелый план. Добираться в наши далёкие места, не зная, что тебя там ждёт, кто там тебя встретит? Я тоже не знал, кто приедет, зачем приедет. Смелый план.

– Да, знаю. Я давно хотел отважиться на какую-нибудь авантюру в смысле рискованного и неожиданного приключения. Теперь у меня в багаже есть такое.

Бросив в берег блесну взял шального харюса у виски, которая из болота шла, создавая дополнительное течение под берегом. Потом пошли поклёвки малышей, которых отпускал, и чтобы не увеличивать популяцию рыб с разорванными ртами закончил рыбалку.

– Вот и последняя курья, – больше мест для рыбалки уш-ш не будет.

– Знаеш-ш, я уже нарыбачился, – ответил я, сматывая удочки, – даже не верю, что через час-другой этот речной поход закончится.

Река становилась всё шире и шире, а угоры всё ниже и ниже по ходу приближения к селу. Приключение завершилось. Но я не прощаюсь с Мезенским краем, мой Волшебный колобок наверняка позовёт в новые походы, возвращая меня в детские грёзы, в загадочную страну, где чудеса, где леший бродит...

Перед самым отъездом, Сергеич решил не нарушать традиции, и передал обещанный пополник в виде замороженного гуся с хлупью.

После приземления самолёта запах зажаренного на солнце асфальта вернул меня в цивилизацию.

Этот перелёт был как бы скачком во времени, перенося меня в реальность из удивительного и сказочного мира, который ещё есть на нашей планете.

Завершая рассказ, я отмечу, что если есть опасения переносимости полёта в Ан-2, советую не рисковать, и подобрать себе другой маршрут, обозначенный на моей секретной карте. Мезенский край богат и лесами, и реками, и озёрами, и обычаями древних времён. Каждый найдёт здесь маршрут для себя. Главное же богатство Мезенского края – это родовые поморы, хранители души русского Севера.

ЧАСТЬ II.

ИЗ ПОРЕЧЕН В ПОМОРЫ.

Именно таким загадочным названием я продолжаю летопись моих приключений в Мезенском крае, удивительной части Русского Севера. Подобно варягам, шедшим в греки, в неизведанные южные земли, я, ни разу не ходивший по морю поречен, то есть речной рыболлов, решил на новое приключение – пойти в настоящее северное морское приключение с родовыми поморами. Не ряженными, не музейными, а реальными героями, бросающими с самого рождения вызов стихиям Ледовитого океана. В этом походе я почувствовал силу суровых северных вод, которая заставляет мореходов быть сильными и телом, и духом.

Правильнее было назвать моё путешествие – малый Мангазейский ход, так как география нашего приключения пересекалась с походами поморов до легендарной, златокипящей Мангазеи, расположенной в Обской губе и похороненной в архивной пыли, но оставшейся в преданиях, легендах, устных сказах, и у поморов, и у потомков самодийских народов.

Идея Сергеича, с которым мы ходили по реке в июне о морском походе, заключалась в том, чтобы я присоединился к его друзьям, которые планировали провести отпуск в тех местах, где его дед открывал перспективные для промысла территории. В землях, забытых сейчас, и потому сохранившихся в том же

первозданном виде, какими они были сто лет назад. Я принял это его предложение без промедления. У меня появилась возможность ”в канский мох провалиться“ – так в стародавние времена на Мезени говорили о тех, кто затерялся, пропал.

Поездка в далекие северные, почти заповедные земли требует получить временный пропуск соответствующего погранотряда в прибрежную зону, а это не кабинетная интернет услуга, это требует работы и головой, и ногами. Для дальнего похода нужно много дополнительного снаряжения, которое я отправлял посылкой по почте, и, несмотря на отдалённость посёлка, Почта России справилась с этой задачей за десять с половиной дней.

Ну, а теперь и о самом приключении.

Ранним утром, ожидая свой Ан-2 в аэропорту, я вдруг понял, что нахожусь в состоянии дежавю, и это меня даже испугало. Я в той же самой одежде, с тем же багажом, на том же самом кресле, в то же самое время суток, но с разницей в семь недель. Меня охватило это чувство, причём время как бы растягивалось и умещало в себе одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее. Через несколько часов Сергеич вывел меня из этого состояния.

– Что там у вас с этими погонями за покемонами в столицах происходит? – спросил он меня, почти сразу после приземления в далёкий, но уже не такой как прежде безликий посёлок.

– А что, до вас они ещё не добрались разве? Вот досада! А я размечтался, что в прилове у меня будет парочка на память. Давай лучше туеса рядить к походу, а то катер без туриста уйдёт, – парировал я и изложил план действий: закупка дополнительного провианта в магазине, сбор и упаковка снаряжения.

– Вижу, что учишь помалу то наш язык. И галоши свои возьми, – напомнил Сергеич.

– У меня есть в мешке, утеплённые, – бравировал я, позднее пожалев, что не взял их. В походе галоши имеют ещё одно очень нужное свойство: я их использую как тазики, когда отпариваю ноги, уставшие от пеших переходов.

Я не увидел на причале поморский обряд братания перед походом в море, который предусматривал не только братские объятия, но и обмен шапками (у женщин – платками), символизирующий одновременно и пожелания удачи, и заочное прощание. Это смотрелось бы слишком декоративно. Но заочный обряд заклинания моря, как символ просьбы о благосклонности в морском походе мы исполнили, посеребрив перемешанную приливами морскую и речную воды.

Покрут, то есть команда нашего походного судна состояла из капитана, капитанской дочки, друга капитана с обязанностями боцмана и его сына с женой, ну и любознательного туриста с блокнотом в моём лице. Имена они попросили не называть, но мы условились, что я придумаю им псевдонимы, достойные их поморскому происхождению. Я посетовал, что капитан Никифор, с дочерью Кулиной, Мануйло с сыном Ипатием и его молодой женой Софьей украсили бы мой рассказ, и с такими героями его можно было бы поставить в один ряд с “Поморскими ответами” – замечательнейшим произведением раскольничьей письменности.

Сряться³ в поход они начали оногдасе, третьёго дни, то есть заранее, три дня назад. Уже с

³ Сряться, - рядиться в дорогу, собираться в дорогу.

первых часов похода на меня обрушился шквал новых поморских выражений. Зная, что я приеду с блокнотом это был заранее подготовленный мозговой штурм:

– Яйца взял? Выкладывай! В море яйца не берут, положи етта, доедать будем, пока вторник не наступит, – с ухмылкой, но уверенно скомандовал мне капитан.

– Какие яйца? Какая етта? Причём тут вторник?

– Давай-давай, ладом записывай, турист. Ладом, значит правильно, ладно. К концу похода начнёшь наш язык понимать, вот увидиш-ш.

И это оказались пророческие слова, более того, это ... хотя нет, об этом я расскажу позднее.

Мой блокнот стал заполняться удивительными понятиями и выражениями, сохранившимися через столетия: етта, оногдасе, шаньга, калитка, кулубьяка, выть, черёва, околodelo, затулье, стрёж, схваты. Оказывается, часто употребляемые: “в самом деле, истинно, всерьёз” тут правильно надо говорить не “в заболь”, а “заболь-заболь”, не острый нож, а бриткой нож, а щепоту, то есть тех, кто креститься не крестным знаменем, называют тут щепеть.

Видя моё удивление, капитан и боцман, ставшие моими учителями словесности, всегда заканчивали свои диалекты фразой: “Мы так говорим”, повышая тон и делая протяжную гласную в наречии “так”. Где-то я уже это слышал. Я стал вспоминать прошлые походы, и действительно, на Русском Севере повсеместно добавляли: “Мы так говорим”. Это всё потому, что в каждой местности на Мезени, а поморские земли мне известны только как мезенские, имеется свой диалект и свои уникальные слова, нигде более не используемые. Так, через столетия и

донеслись до нас разные речевые формы, интерес к которым я так назойливо проявлял.

Ожидая начала вторника в устье реки, следуя древнему поверью, что в понедельник в море не выходят, приступили раньше срока к первой выти: запечённый гусь, макароны с тушёной олениной, шаньги с творогом и морошкой, рыбники, калитки и прочее и прочее. Всё приготовленное в дорогу я перепробовал, и не раз.

– Это получается у нас сейчас паужна? – спросил я Николаича, нашего капитана.

– Нет, не угадал. На промыслах у поморов были две главные выти: первая – утром и вторая – в три часа дня. А так-то четыре, причём после завтрака вторая выть (обедник) была в девять часов утра, а третья выть – паужна – между обедом и ужином.

– Ага, теперь понятно. Я думал, что обедник – это дневной ветер, а по факту получается, что это утренний ветер!

Морской поход из греков в варяги начался сильнейшей качкой, и на ум приходила знаменитая фраза классиков советской литературы: “Волны перекачивались через мол и падали вниз стремительным домкратом”. Морозящий дождь и ночные сумерки загнали всех участников похода в каюту, на наскоро сделанные из досок полáти, которые мы шутливо называли шконками. Вахту держал капитан, его меняла капитанская дочь, незаслуженно им называемая матросом. Перекатываясь с бока на бок, мы уснули.

Проснулся я рано утром, вышел на палубу. Оцепеневший я стоял у борта, переполненный чувствами, выраженными В.С. Высоцким в стихах:

“Вперёд пятьсот, назад пятьсот, и кто кого переживёт, тот и докажет, кто был прав!”

Делая фотографию, я сразу осознал, что северное море не прощает слабых, и что лучше держаться за бортовые леера двумя руками, чем пытаться сделать последнюю в своей жизни фотографию в память о том незабываемом моменте, когда я впервые оказался в открытом море.

Волны яростно бились в борта катера. Я думал о поморах и их обычаях, о поморских кочах – промысловых одномачтовых, однопалубных суднах, которые могли противостоять сжатию льдами. Меня переполняли воображаемые мной образы смелых, отважных мореходов, и даже казалось, что я стою на палубе старобитного поморского коча рядом с ними.

По морю до метеостанции Микулкин Нос шли, как и предполагалось по графику, одиннадцать часов. Много это или мало? Для меня это было первое морское путешествие, а не прогулка, и мне впечатлений вполне хватило. Встав на якорь, началась высадка на берег по всем правилам морских пехотинцев (боцман и его сын служили в морской пехоте). Переправляли посылки метеорологам и бригаде по сбору морошки, чьи палатки пестрели поодаль на побережье, отчетливо выраженной канинской террасе каменисто-песчаных пород.

Во время этого отдыха я попарился в недавно построенной бане, подобрал с берега несколько ракушек в подарок для дочери, ничем не привлекательных, кроме места их нахождения. Отойдя от строений метеостанции на двадцать шагов можно было собирать морошку, чем я и увлечённо занялся, быстро собрав целую миску, и которую съел по совету Николаича, с добавлением сгущённого молока. Приобретённые в детстве навыки сбора лесных ягод пригодились.

Широченные панорамы северной тундры и океанский берег вызвали только одно желание. Желание уединиться. И я уселся на скалистый берег, предаваясь созерцанию. Но не великие мысли о сущности земного бытия, о бренности материального и нетленности духовного были в моей голове. Я думал о родной стороне, своей семье. Вспомнил и то, как дочь меня рассмешила после моего рассказа о полете на Ан-2: “Папочка, ты что, на кукурузе летал?”

Наповетерь, с приливом мы отошли от морского берега, где нас ждал очередной сюрприз – толкунец на сливах. Морские течения, сталкиваясь, сливаясь

друг с другом в довесок к сильному, но как я уже заметил, попутному нам ветру сталкивали волны, что существенно снизило и скорость, и комфортность хода.

Мы шли к заветной цели – затерявшейся в тундре заповедной реке.

В устье опять остановка на три часа в ожидании прилива – полной воды. Справа по борту за нами наблюдали два морских зайца – лахтаки. Я расчехлил снасти и завёл разговор о спиннинговой ловле, которая не очень популярна в среде поморов, хотя и вызывает интерес.

– И как тебе морской поход, – спросил Николаич.

– Ну как тебе сказать. Я ожидал, что воду плицей из-под пайол выкачивать будем. А то, что на катере комфорта почти столько же, сколько на стародавних кочах, так это меня больше порадовало, чем огорчило. Это был настоящий морской поход, не такой дальний, но и не туристический круиз, и я безумно рад.

Ночью, в предрассветной дымке бросили якоря в ручье, где на холме стояла утлая, истрепанная ветрами за несколько десятилетий избушка, в которую заселились молодая пара: Владислав и Зоя, боцман нашего катера, Семён Елисеич и я. Обессиленные долгим походом все рухнули спать, но утром проснулись и начали обустраивать лагерь.

Первым делом, увидев, что вокруг избушки олениводы повсюду оставили следы своего культурного развития, я настоял на установке бочки для мусора, впоследствии ставшей частью развлекательной программы в лагере: когда жгли

мусор, Елисеич, – достойный сын своего отца пошутиста и острошлова, закидывал использованные газовые баллоны в бочку. Так в лагере салютовали в честь прибывших мореходов или какой-либо выдуманной и невыдуманной причины.

Вода и в ручье, и в реке – кислая, и за водой ездили на снегоходе Буран, а вернее сказать на тундроходе к ближайшему озеру в трёхстах метрах от лагеря. Тундроход был завезен Николаичем заранее, в прошлый заход. Он решительно настроился поставить новую избу и мало-помалу завозил стройматериалы и лагерное снаряжение.

В избе стояла упрощенная печь-капельница, в которой было отверстие, по которому по трубке могла поступать солярка. Дров в тундре нет, за исключением сухого ивняка, поэтому ставят такие

универсальные печки-буржуйки. А правильная печь-капельница должна работать по другому принципу: в печь ставят ёмкость, например чугунную сковороду с дизельным топливом и поджигают, а по трубке в печь поступает, капает вода. Температура сгорания дизельного топлива растёт, когда вода капает в горящую солярку.

Сборов как таковых на рыбалку не было. Сумка с рыболовными коробками приготовлена ещё в катере, а забыть тубус со спиннингами, сделанный мной из белой ПЭ трубы специально для этого похода можно, только если это очень захотеть. Прыгнули на диван тундрохода, Николаич поддал газу, и мы покатались по тундре в верховья реки, туда, где морская вода не смешивалась с речной. Быть пассажиром не такая уж и простая задача: приходилось часто слезать и заскакивать на полу-ходе, преодолевая ручьи, крутые спуски и подъёмы, глубокие ямы моховой тундры. Если лесные дороги тайболой называют, то здесь в ёрах, то есть в зарослях ползучего заполярного ивняка можно проехать только по вóргам, укатанным оленьими возами тропам, более похожим на волок, и шириной не более одного аршина, а зачастую вдвое меньше.

По долине реки шли в пойменной траве, оставляя за собой след, как свидетельство присутствия современного человека на этой нетронутой цивилизационным развитием земле. Земле, которую и сейчас можно назвать страной непуганых птиц. Но меня в тот момент больше интересовали непуганые рыбы.

Остановку сделали на перекате, где на противоположном берегу, на склоне пиндикуя, – оврага, образованного весенними тальми водами,

было гнездо кречета, и неприятный для слуха крик его птенца поначалу раздражал меня.

Не успел Николаич завершить свою лекцию про пиндикуй, пудюкуй (моросящий дождь), матёрые или коренные берега реки и прочие чудеса местной природы, я взял на котёл трёх восьми вершковых харюсов.

– Вот на уху уже есть, можешь в лагерь ехать, а я тут останусь до вечера, – поймав четвёртого, прервал я своего проводника.

– Давай ещё выше посмотрим, там вáдига, погуляеш-ш там, – предложил Николаич.

Ещё полчаса по нетронутой пойменной траве, по воргам через кустарник, и мы оказались на матёре,

который представлял собой природный кряж высотой не менее тридцати метров.

Бескрайние северные просторы тундры, на первый взгляд не удивившие меня в этот момент преобразились, и я разгадал секрет её красоты, которая заключалась в огромном количестве оттенков зелёного: разноцветие мха, листвы морошки, сихи, черники, голубики и прочих трав, дополняемых порослями ягеля.

Я спустился вниз. Звуковой след тундрохода постепенно затихал, и вот, я остался один на один с первобытной рекой. Это можно выразить только одним словом – совершенство! Я стоял на берегу реки, по которому никогда не ступала нога человека!

Сама рыбалка на вадиге началась только после разгадки мной повадок местного харюса. Каждый последующий день я разгадывал подосновы активности рыб, которые менялись по неведомой мне причине.

Снасть моя состояла из поводка флюорокабонового, который я привязывал через вертлюг к основному шнуру и через карабин ставил свои самодельные вертушки. В результате проведенных прибрежных изысканий, я пришёл к выводу, что наиболее эффективная снасть того дня должна исключать вертлюг, а блесну-вертушку следует крепить к поводку без карабина, так как не блесна определяла уловистость, а её поведение в воде. Со стороны подлеска я делал нахлыстовый узел Гвоздь при помощи самодельного узловяза, а со стороны шнура вязал мой любимый узел Линдемманна, который всегда использовал и для крепления блесны. К этой снасти подобрал и нужную проводку с характерной паузой, и нужный горизонт проводки блесны.

Сказать, что на каждом забросе у меня была поклёвка, не скажу, но похвастаюсь, что вытащил к берегу трёх гольцов – настоящих бойцов, упустив трёх, не более проворных, а более удачливых. Рыбу я больше отпускал, чем ловил, припарковав на самодельный кукан из веревки десяток харюсов-близнецов, восьми вершков каждый.

Вообще, очень странно, почему все рыболовы меряют рыбу в сантиметрах, имея удобные древнерусские обозначения, где мерой длины и веса всегда был человек. Это удобно, руки с ногами всегда при тебе! Ведь мы показываем размер пойманного трофея руками, значит должны хвалиться

уловом, используя визуально понятные меры: вершок, малая и большая пядь, пядень с кувыркой, локоть, аршин.

Так в азарте пролетели эти незабываемые часы моей первой рыбалки в тундре, которая завершилась со звуками ревущего вдали тундрода.

– Ну и как тебе рыбалка? – предвидя, каким будет мой ответ начал Николаич.

– Фантастика! Завтра давай сюда же на целый день меня добрось, я до переката даже не дошёл!

– Да ты, похоже, рыбный колдун, заклинание какое знаш-ш? – глядя на мой улов, с прищуром опять спросил мой проводник.

– Прогиб засчитан. А колдовства нет никакого, немного мастерства и смекалки, и улов всегда будет. Тут чайка пыталась стащить оставленную мной в

траве рыбу с кукана, так что я последний час больше занимался ловлей птиц, а не рыбы.

– Чайка ловца чуть не обидела! – улыбнулся родовой помор (так здесь говорят, когда чайка пытается украсть улов), после чего сделал для меня несколько фотографий.

В лагере уже приготовили уху, и готовились к ужне.

– Пошли шти (так тут щи называют) хлебать, – продолжал удивлять меня поморскими диалектами Елисеич. На столе были ещё и остатки тёщника⁴, что не доели в море.

– Владислав Семёныч, передай мне, пожалуйста, лепёшки, – попросил я сына Елисеича, придавая нашей выти официальный колорит. Лепёшкой черпать деревенские сливки, по густоте сравнимой с городской сметаной, показалось мне более степенно в тот момент.

– Это не лепёшки! Это калитки.

– Мы так их называем, – дополнил ответ Елисеич своим поморским говором, привычно протягивая гласные.

Так, в тесноте, но с шутками и прибаутками, преимущественно из жизни деда Елисея (чего стоит его овечья еда, – собирательный образ всех овощей), решили меня завтра отвезти к тому же крёжу. Засыпали за полночь: куропти (куропатки) кабаркали нам вместо колыбельной.

⁴ Тёщником называют ритуальную пищу, часто приготавливаемую тещей для мореходов, промысловиков-зверобоев уходящих в морской поход.

Наутро Николаич подвез меня немного выше вадиги, к перекату, и, спускаясь, заметил над водой плавники: на перекате стоит рыба! Подойдя ближе, я стал свидетелем, как горбуша мечет икру. Рыбины металась взад-вперёд, то на струю, то в яму, в которой приготовились метать икру самки. А в яме, пристраиваясь к их хвостам, кружились хариусы неприличных размеров! Мы более часа наблюдали за поединком нерестящейся рыбы с хариусом! Упустить шанс вытащить огромных речных парусников я не мог, но, видимо, эта бригада гурманов была нацелена на бутерброды с икрой, а не на блестящие столичные побрякушки. Пришлось пройти выше переката, и там наловить несколько таких же. Ну как наловить, перехитрить и побороться с харюсами весом под килограмм стоит того, чтобы сюда добраться трое суток!

Потом я решил перейти на другой, пологий каменистый берег и выманывать рыбку, стоя почти по колено в воде. В этот день, наоборот, наличие вертлюга было преимуществом, но зато не было ни одной поклёвки гольца. Для отпугивания мелкого харюса, то есть менее шести вершков в длину я перевесил крючки-тройники с моих вертушек на размер-два крупнее. В часы прилива ниже этого переката речная вода спирается водой морской с прилива, и активность рыбной братии замирала, но зато потом, до заката солнца рыбалка опять продолжалась.

Третий день я посвятил пешему походу. Понимая, что далеко мне дойти, тем не менее, планы познакомиться с рекой и ближайшим перекатом пересилили. Я отправился в путь, оставив лагерную бригаду заниматься строительством новой избушки. Я шёл по следам тундрохода, иногда поглядывая в сторону реки. Сначала меня ждала переправа через ручей двойник, который, то сходил, то расходился, а впадая в реку, образовал шароки (протоки) во время прилива образующие пространную дельту.

Пройдя несколько километров я уселся на траве, на самом высоком месте матёры, почти на самом краю высокого крёжа, и в мыслях в вечность смотрел то в небо, то в реку. Надо мной, в небе, я наблюдал слив – тучи крутило право-влево. Такой величественной небесной картины, кажется, не наблюдал ещё ни разу в жизни! Где ещё, как не здесь перейти в углублённое состояние размышления?

Вдали гремела гроза. В природе всё гармонично: отсутствие вокруг красот гор или лесов, на которых с радостью задержался бы глаз,

компенсируется здесь красотой этого бескрайнего неба.

Я размышлял о прожитых годах, о родителях, о своей дочери, о жене, с которой я не провожу уже много лет свои летние отпуска, скитаясь по рекам в поисках то ли духовного совершенства, то ли смысла жизни. Как и у реки, у жизни есть исток, есть течение, есть стремнина и притоки, много чего есть – есть и её завершение, устье, сливающееся с морем, с вечностью.

Созерцал на реку сверху вниз, обращая свой взор на сервер, к истоку реки, видя в ней указатель пути вверх, и соглашаясь с выводами одного учёного, что во всех мифологических системах рай находится на севере, а душа Земли, то есть её информационный центр – это Северный полюс. Я сидел, смотрел, как

течёт река, как небесные баталии отражаются в её стылых водах, и мне казалось, что вот-вот наступит момент, когда окружающие меня природные стихии смогут выговорить какое-то заветное и таинственное слово...

Прилив сменился отливом, и я спустился к реке, где на берегу оставили свои следы олени, ямдаемые с одного чумовища на другое. Обходя несяжный, каменистый берег, я поднялся по ложине оврага по высокой траве и, сделав два шага в сторону реки, оступился и перекувырнулся, – меня засосало в какую то мокрую нору. Какой такой зверь тут поселился? Ноги мои торчали из этой норы как два бревна, и я едва смог пошевелиться, но кое-как выполз, не понимая, что произошло. Оказалось, я провалился в палец, про который мне рассказывал Николаич – русло тундрового маловодного ручья, по геометрии своей напоминающего горные ущелья, но глубиной и шириной не более аршина.

Продолжив свой путь, поглядывая себе под ноги, я дошёл до первого переката, за которым была вадига. Я очень удивился, что такое перспективное место пришлось оставить ввиду отсутствия там рыбы. Один любопытный, видимо залётный, показал мне свой плавник и свалил в недостижимую взором глубину. Чуть выше, на перекате была отличная поклёвка, видимо гольца, но от её неожиданности дух соперничества не проявил ни я, ни рыба. Ещё выше ловился только маленький хариус. Ну как маленький: пяти-шести вершковый, которого немного погонял и вернулся в лагерь очень довольный, хотя и без улова.

На следующий день погода благоприятствовала дальнему походу. Мы с Владом собрались

основательно, и покатались на самый дальний кордон, не зная, найдем вору или нет.

Рискнули.

Оставили позади себя самый верхний перекат, преодолели несколько оврагов, после чего тундропход вышел на лайду с моховыми колчами, за которой виднелась полоса препятствий – непроходимые заросли высокого двухметрового ивняка.

В сторону тундры ёры становились всё ниже и ниже, и мы, как все нормальные герои, решили идти в обход, по калтусу. Снегоход резво разогнался, будто почуял под собой мокрый снег, как только вышли на ярсей. Извивающееся русло реки позволило нам подъехать не к намеченному речному перекату, а намного выше, а затем, уже по берегу реки, по траве направились к отмеченной на навигаторе точке. Мне

казалось, что тундра уже не сможет произвести впечатления, что уже начал привыкать к её однообразию. Но нет! Она всегда разная, всегда новая и после первых шагов по берегу меня поразила девственная, первозданная духовность этого места.

Полдня бродил по берегу, выманивая крупняк из засады. Импровизировал с вертлюгом, но в результате понял, что лучше всего некрупная неотгруженная вертушка с сердечником из бисера, придуманная мной для окуня. Крючок я быстро заменил на более крупный, и понеслось.

В чешуе, как жар горя, хариус на два локтя!

Все красавцы удалые, великаны молодые,

Все равны, как на подбор,

Где ж ваш дядька Беломор?

Ну, приукрасил про хариуса в два локтя, но то, что все были десяти вершковые – зуб даю. Сели паужинать над каменистым крёжем, разложив на земле матрац туристический, на котором потом медитировал, обдуваемый приносящим прохладу ветерком, погружающим меня в состояние невесомости.

А потом был пережат, но уже с ямой за валунами и бульниками, пересекающими быстрину, несущуюся с холмов полуострова, и на каждый заброс – трофейный красавец. Но что было странно. Как только солнце скрылось за вершиной крёжа, и вода погрузилась во мрак, активность рыбы резко снизилась. Это изменение, наравне с тем, что за спиной стояло ведро, наполовину заполненное харюсом, остановило меня. А надо мной уже кружил смышлёный чабар, ожидая своей доли улова.

Выпотрошив рыбу и накормив птицу, тронулись в путь на тундроходе.

Вечером порешили, что надо проведать ещё одну речку, поменьше, в которой, по словам оленеводов и харюс, и голец несчётными стаями ходит.

Утром нашли место для переправы через ручей, и, оставляя за собой только дымящий след, покатались по тундре. Долго сусанили по ёрам, находя только оленьи тропы, а нужно чтобы ворга была торна́, то есть проторена. Нашли. К реке подъезжали оврагом по лощине пиндикуя.

Вдруг наш тундроход пролетел метр-два по воздуху, и мы оказались в яме, заполненной водой повыше колена. Влад не заметил, что мы скользили по пальцу, подземному тундровому ручью, который

имеет свойство выходить на поверхность, образуя вот такую купальню. Посидели, покумекали, нарубили ивняка, рычагом подняли снегоход и справились с проблемой, ещё полчаса казавшейся нам нерешаемой.

Так как устье реки было недалеко, то принципиальной разницы с какой стороны исследовать речку не было. Решили пройтись к устью, где недалеко было озеро, оккупированное многочисленной стаей гусей. Трава по берегам была выщипана аккуратнее газонов, что растёт вокруг английских замков.

Я прицепил к шапке гусяное перо, и мы просто гуляли по тундре вдоль реки, заглядывая в прозрачную воду вадиг на предмет обнаружения там хоть какой-нибудь рыбки. Начался прилив. Вода заходила в реку с такой силой, что пришлось прибавить шаг, чтобы найти место для брода. Путляли, обходя ёры то вверх, то вниз по угору в сторону спасённого тундрода. Вода с моря стремительно прибывала. Всё, пора. Через четверть часа перейти реку всухую, не снимая забродных сапог, уже было невозможно. Успели.

Перед подъездом к лагерю Влад высадил меня, и я пошёл собирать грибы от нечего делать, или как тут говорят натодель. Собрал быстро и много, найдя себе занятие до ужны в виде варки и консервирования грибов. Собирая в поход провизию надо брать консервированные продукты обязательно в стеклянных банках, которые потом обязательно пригодятся.

– Мы с бахромой грибы не едим, – удивил меня Елисеич новым диалектом.

– Ну а бахромой то вы что тут называете? – спросил я, записывая в блокнот новую вокабулу, –

Давай я тебе лучше вот что расскажу, учитель словесности. Сегодня я сделал лингвистическое открытие! Потянет на Нобелевскую премию!

На это моё восклицание к нам присоединились другие участники нашего похода.

– Так вот, когда с Владом сегодня скакали по угорам, я отгадал загадку поморского языка! Ну не всего, а только одного из правил. Ни один учёный не додумался. А заешь почему? Потому что в кабинетах язык не изучают. Язык надо среди людей изучать. Чтоб воссоздать язык поморов надо, прежде всего, воссоздать их образ жизни. Помнишь наш разговор о поморском языке? За эту догадку премию получу, коч себе построю, по морю пойду с вами наперегонки.

– Ты давай зубы не заговаривай. Дело говори.

– Почему вместо звука щ употребляется двойное ш, и почему окончание слов на –ий, –ый заменяется на слова с окончанием на –ой, –ей, не скажу, а вот почему вместо йотированных слов используются слова с заменой –йот и –ьет на –ат, а для возвратных глаголов исключается постфикс –ся скажу, что от усталости, я просто не успевал на выдохе выговаривать эти окончания и, задыхаясь, изрекал: собирает, прибывает, поднимат, одеват и т.п.

– Было дело, – подтвердил Влад.

– Тяжелый, непрерывный труд предков в основе языка поморов. Вот почему така́ она, поморска говоря́. За́боль-за́боль.

– Да ты не рыба́к, ты пря́м доце́нт учёный! – подшутил Елисеич.

– Да ладно, хватит тебе! Я вот думаю названия придумать всем этим местам, речку, которую сегодня наведали, назову Гусиной, пере́кат, где первого харюса взял: Под кречетом, ва́диги: Кривая и Долгая, а остальные пере́каты: Чабар, Каменный крёж, Пьедестал (там, где необъятных размеров валун квадратный из воды возвышается).

Два оставшихся дня рыбалки я получал позитивные эмоции, прогуливаясь по тем же самым местам, уже мне знакомым, но всё равно остающимися для меня загадочными и неизведанными.

Кульбиты гольца и ярость сопротивляющихся хариусов только укрепляла желание ещё раз здесь побывать. Приехать с палаткой и поселиться в одиночестве на самом дальнем изведанном пере́кате, что мной был назван в честь смышленного птенца чайки. Я в мыслях уже составил комплект

дополнительного снаряжения для следующей посылки.

В последний день мимо нас ямдали стадо оленей, среди которых был один альбинос белого цвета.

А подарком от реки стали две поклёвки сига, одного из которых я, по неожиданности принял за харюса, применил ошибочную тактику ужения, и упустил в равной борьбе.

В ночь перед плановым отходом, шелоник не на шутку рассердился, и с утренним приливом идти в море было опасно. По радиации передали штормовое предупреждение. Несмотря на это мы не спеша собирали и паковали свои туеса в катер, ожидая, когда ветер фушкнет, то есть стихнет. Елисеич подгонял нас очередными диалектами, повторяя: “Хватит тут мне митрофанить”. Много времени ушло

на приготовление продовольственного пайка в дорогу. Готовили разнообразные блюда из оленины, доставленной нам оленеводами и пойманной рыбы. Я только сейчас понял, как надо варить уху. Ни один ресторан в мире не сможет воссоздать вкус походной ухи по рецепту деда Елисея! Днём стало понятно, что с вечерним приливом так же не уйдём, а это значит, что турист может опоздать на самолёт. Шторм – штука серьёзная, уж лучше опоздать на самолёт на один-два дня, чем опоздать на всю жизнь. Оставался последний шанс – утренний прилив, с которым, при попутном ветре, я смог бы запрыгнуть на ступеньку улетающего Кукурузника. Капитан принимает решение: уходим утром, рискнём, метеорологи сообщили, что шторм может утихнуть.

А чем заняться в часы ожидания? Правильно. Найти себе приключения по самый край забродных сапог! Уж в этом вопросе я бо-ольшой специалист. Расчехлил спиннинг, и пошёл в сторону реки, предполагая, что морской прилив ещё не скоро, а на самом деле он уже начался. Мне показалось, что я смогу перейти вброд шарок и вступил в борьбу с прибрежным илом. Победа была уже близка, я почти перебрался на тот берег протоки, но река всё-таки дала мне понюхать няши. Правую ногу засосало так, что я начал звать на помощь. Сапог застрял “по самую рукоятку”. Вода прибывала стремительно, на берегу начали готовиться к спасательной экспедиции, но пока там готовились я, упираясь всем туловищем в илистый берег, чудом вырвался с девятой попытки. Погоняемый приливом, я нашёл брод и перешёл шарок обратно, но без приключений. Остаток дня посвятил любимому занятию енотов: стирке. Вспоминая любимую поговорку от деда Елисея: “Кто вымочит, тот и высушит”, вбил два кола в землю, нанизал от рукава до рукава свою одежду на веревку, натянул её, и оставил на сильном ветру эту шеренгу огородных пугалищ.

С первыми лучами солнца попрощались с лагерем, и пошли по высокой воде малым ходом по стрёжу реки. В устье я снимал на видео лахтаков и нерп, состязающихся в умении высовывать свой любопытный нос выше волны. Выйдя в море, я окинул последним взором реку. Речная часть похода завершена. Я стоял на носу катера и смотрел вдаль морского горизонта. Катер медленно, но уверенно шёл вперед.

– Какой ход? – спросил я капитана.

– Полный ход, четыре узла в плюс, бывало, что в шторм шёл в минус, двадцать семь часов шёл, – ответил Николаич.

– Нам назад никак нельзя, – заметил я с опаской, приплюсовав в уме к наихудшему варианту ещё не менее пяти часов на ход по реке до посёлка. Получалась нехорошая арифметика.

– Так то, так, а вон та как, – парировал поморским диалектом капитан, что означало, что у моря свои правила игры.

Шелоник сменился на полдень. Когда я начал подскакивать от силы ударов в борта катера, то уселся на корму и пробыл на палубе весь поход. Морские брызги, разлетающиеся от удара волны в борт катера, всё чаще и чаще, всё выше и выше взлетали над моей головой.

Все мои мысли были о том, что нужно непременно дойти земли, вовремя или нет, но дойти. Крен катера заставлял держаться за леера двумя руками. Отпустишь – вылетишь за борт как пробка из бутылки. Наступала темнота, но я не уходил с палубы. Я должен увидеть землю. Вдалеке, за тучами, проблёскивали удары молнии, озаряя небосвод заревом – это рябиновые ночи, ещё одно уникальное явление природы Русского Севера.

Вошли в реку, естественно, с опозданием. Большая вода ушла, и до следующего прилива оставалось шесть-семь часов, но в ситуацию вмешались средства связи. Сергеич, с которым несколько часов назад созвонились по спутниковому телефону, ждал меня в своей лодке. Под тридцати сильным мотором мы успевали дойти до посёлка, и даже немного отдохнуть. Прощание с командой было

недолгим. Я протянул из своего рюкзака пол-литра коньяка для капитана.

– Саныч, никогда не встречал, чтоб из похода коньяк вывозили!

– Дорисуй ещё одну звёздочку за этот поход, – пошутил я.

– А на прощание, вон тебе ещё диалект: Кто в море не хаживал, тот богу досыта не маливался.

– Николаич, не прощаюсь, на следующий год на холме, что через ручей у лагеря поставим крест Николаю Чудотворцу в память об этом походе. Елисеич, ещё увидимся!

В лодке мчались на всех порах, я прикрыл глаза, но утренние отсветы пробивались через веки. На небе вспыхивали, трепыхаясь в небе, неяркие молнии. Бледно алые, с безумно чарующим оранжевым оттенком облака кружились над нами все реже и реже и исчезли, затопленные под светом возникавшего дня... Дня прощания с Мезенским краем.

Но мой волшебный колобок позовёт своей неведомой силой всего сущего, и через год я покачусь по Мезени встречать наступление 7526 нового лета.

МЫ ВЕРИМ В РЫБУ, РЫБУ СВОЕЙ МЕЧТЫ

WWW.INFISHWETRUST.RU